

ЧТО ХОТЕЛ СКАЗАТЬ АВТОР

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ РАЗБОР
РОМАНА «МАМА КРИМИНАЛА»

— Я, НАВЕРНО,
И ЕСТЬ ПРОБЛЕМА»



Анастасия Прудова

Что хотел сказать автор

<https://litres.ru/74362237>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Мама криминала» — роман о том, как перестать быть проблемой и стать содержанием. Но что скрывается за этим сюжетом? Как устроена психика героини? Почему тепло становится опаснее холода? И что значит фраза «выжить не значит пережить»?

Как автор романа, приоткрываю механику текста: архетипы, тело, травма, выбор. Это не лекция. Это карта — для тех, кто уже прочитал роман и хочет заглянуть глубже, и для тех, кто только собирается войти в этот мир.

Анастасия Прудова

Что хотел сказать автор

Глава 1

Что хотел сказать автор

Психоаналитический разбор романа «Мама криминала»

— Я, наверно, и есть проблема.

Введение

Эта статья — не о том, «как я это сделала». Эта статья — о том, что может происходить с читателем, когда он открывает роман и вдруг обнаруживает себя внутри. Не автора. Не героиню. Себя.

«Мама криминала» задумывался как текст, который не объясняет. Он показывает. Он не даёт ответов — он создаёт пространство, в котором вопрос может прозвучать. И если читатель узнаёт себя в Регине, это не совпадение. Это устройство романа.

Мы пройдем по основным смысловым узлам — архетипы, травма, тело, выбор — чтобы увидеть, как через образы героини проступает универсальная история: о том, как перестать быть проблемой и стать содержанием.

Подзаголовок романа — «выжить не значит пережить» — и есть ключ к этой статье. Речь не о том, выживет ли героиня, и не о том, что с ней случится. Речь о том, что значит выжить — и обнаружить, что пережить всё это придётся отдельно. Вся книга живёт в этой щели между «выжила» и «пережила». Главный конфликт: инстинкты против тепла

Главный конфликт: инстинкты против тепла

Регина выживала за счёт инстинктов, отточенных до звериной остроты. Это не метафора — это её психическая структура. Она научилась не чувствовать, чтобы не умереть. Психотерапия разъедает эту броню. Чёрное и белое смешиваются. Жар и холод рожают тепло. Но тепло здесь — опасная мутация. Потребность в исцелении и потребность в насилии больше не уживаются. Место только для одной.

Здесь и далее используются строки из двух стихотворений, написанных в разное время: первое — «до» терапии, второе — «после». Стихотворения не претендуют ни на что — они явились словоформой состояния, а не техническим мастерством.

Холод сковывает меня всю.

Я не замёрзну в своей тьме — без света быть давно не страшно.

Это не борьба добра со злом. Это борьба температуры с температурой. Героиня стоит на границе между замерзанием и принятием тьмы как дома. Читатель, прошедший через травму, знает этот порог. Тепло — не награда. Тепло — риск. Оно может обжечь. А холод — он хотя бы предсказуем.

Конфликт романа не в том, выживет ли Регина. Она уже выжила. Конфликт в том, сможет ли она жить без борьбы.

Семья как архетип: быть матерью среди сломанных

Регина — единственная женщина среди сломанных мужчин. Она стала «матерью криминала» не по призванию, а по необходимости. Её «семья» — это не клан, а способ выжить. Здесь есть правила. Здесь не предадут. Здесь платят по счетам. Это безопаснее, чем её кровная семья, где её не приняли.

*Я материал в твоих руках, без правил и характеристик.
Ты не создашь меня другой — я карта самой мрачной масти.*

Она знает, что её создавали чужие руки. Она знает, что она — материал. Но она перестаёт быть им. Она становится той, кто сама выбирает карту, с которой идёт в игру.

Здесь важен архетипический сдвиг: Регина не просто «мать». Она — жертва, ставшая хранительницей. Она защищает тех, кто когда-то был ей чужим, потому что знает, что значит быть никем. И забота, которую она так и не получила, выходит из неё в самой простой форме — в том, как она кормит тех, кто ей доверился.

Читатель, у которого не сложилось с кровной семьёй, узнает в этом свою тоску по правилам — пусть даже жестоким, но честным. По месту, где ты нужен не потому, что так положено, а потому, что тебя выбрали.

Архетипическая карта романа

Каждый мужчина в романе — не просто персонаж. Это голос внутри неё. Читая, мы движемся не по сюжету, а по карте её психики — и у каждого из этих голосов свой акцент, свой закон, своя цена.

Отец — тот, кто дал правила. Кто не хвалил. Кто исчез, но остался внутри. Его голос — закон, который она всю жизнь пытается переписать.

Дьявол, — как же это неправильно! Я не справилась — ты победил.

Тот, кто рядом — брат, не требующий ничего. Тот, кто не говорит, но чувствует. Он — её тишина. Единственный, кто не пытается её спасти.

Я навсегда в твоих руках — покорна, даже непокорной.

Тот, кто видит насквозь — анима. Её зеркало, которое само оказывается увиденным. Их связь — не любовь, а встреча двух пустот, которые узнали друг друга.

Я — отражение тебя, как та знакомая персона.

Соблазн — первый, кто вызвал в ней тепло. Она не выдержала себя уязвимой. Он — дверь, которую она боится открыть.

Я не предстану в твоей реальности — об меня ты разрушишь себя.

Безумие — проводник в хаос. Тот, кто живёт в мире идей

и не боится смотреть в бездну.

Состояние не-стояния — единый образ разлетевшихся зеркал.

Порядок — её страх перед хаосом. Тот, кто считает, что-бы не сойти с ума.

Карту с метками комкаю — и в топь.

Тот, кого она вытащила — вынесенный из-под земли и заново собранный. Он не часть её прошлого, а её способ повторить собственное спасение, которое ей самой никто не подарил.

Провидец — тот, кто не боится смотреть туда, куда она боится. Его спокойствие перед темнотой — напоминание о её собственном пределе.

Все они — не другие люди. Они — части её психики, вынесенные вовне. И читатель, проходя по этой карте, может спросить себя: кто из них звучит во мне громче?

Прошое как пациент

Регина не может оставить прошлое, потому что прошлое — это её идентичность. Она знает, кто она, когда выживает. Она не знает, кто она без боли. Её инстинкты — единственная защита. Она боится потерять их, потому что они — её способ знать, что она жива.

От жизни ещё не привита, одинока словно в глуши.

Я, наверно, и есть проблема.

Это ловушка, в которой сидят многие. Не привита от жизни — значит, нет иммунитета к счастью. Счастье становится вирусом. Знакомая боль — вакциной. Она боится не боли. Она боится, что без боли не узнает себя.

Психоаналитически это называется идентификацией с травмой. Регина срослась со своей раной так плотно, что исцеление ощущается как угроза смерти. Кем я буду, если перестану бороться?

Роман не рассказывает эту мысль — читатель чувствует её через то, как героиня хватается за знакомую боль, когда незнакомое тепло становится слишком рядом.

Тело как язык боли

Регина почти никогда не говорит «мне больно» прямо. Она переводит боль в физиологию: ком в горле, холод, сковывающий пальцы, спазм в груди, кашель, дрожь, температура.

Бьёт волнами Нева мои пальчики.

На лице моём — капли дождя.

...Поперхнусь. Заплачу, не поняв причины.

Улыбается... дрожь колит кожу.

Ком в горле — не проглоченная правда. Холод — способ не чувствовать: если замёрзнуть до костей, боль становится фоном. Поперхнуться дымом — попытка вдохнуть жизнь, но жизнь оказывается ядом.

И есть вещи, которые тело помнит тогда, когда память молчит. О некоторых из них героиня не говорит ни слова — но читатель чувствует их по содроганию, которое не объяснить сюжетом. Тело становится самым честным рассказчиком романа: оно проговаривает то, что сознание запрещает.

Это не стилистический приём. Это способ существования. Соматизация — единственный доступный язык. Тело говорит, даже когда слова молчат. Читатель, не умеющий называть свою боль, узнает здесь себя.

Мосты, кораблики и Нева: психика как город

Регина не просто живёт в Петербурге — она им дышит. Нева в её стихах — не фон. Это материнская стихия, которая одновременно бьёт и уносит. Вода амбивалентна: она может унести мысли, но может и заморозить до костей.

*Я скручу свои мысли в кораблики и неспешно пушу по Неве.
Ты разведи мои мосты, отправь в полёт тяжёлые мысли.*

Мои маяки разбиты... Впервые сбилась с пути.

Кораблики — попытка выгрузить стыдное, «неславное» содержимое. Отправить мысли вниз по реке, чтобы они перестали быть её. Но они возвращаются. И бьют сильнее.

Мосты — граница между сознательным и бессознательным. Между «я должна» и «я хочу». Она разводит их сама, чтобы отделить себя от тяжёлых мыслей. Она же и сжигает их, когда боль становится невыносимой.

Маяки — ориентиры, которые должны были указывать путь, но оказались разбиты. Она учится строить их внутри себя.

Это карта её психики: вода, холод, мосты, свет, которого никогда не хватает. Петербург становится внутренним странством, где мосты разводят и сжигают, где маяки обещают свет, но не дают тепла. И читатель, особенно петербург-

ский, чувствует: это не про город. Это про устройство души.

Свет и тьма: от расщепления к интеграции

Ранняя Регина расщеплена:

Меня две в одном теле. Так странно... Одна ядом кусает, другая слезами.

Это не шизофрения. Это способ выживания, когда целостность невозможна. Одна убивает. Другая плачет. Они не встречаются, потому что встреча убила бы обеих.

Поздняя Регина — другая:

Я есть огонь и есть вода, я свет, я тьма. Я Демон, Ангел — они все и вошли в меня.

Она перестаёт выбирать. Она становится вместилищем всех своих противоречий. Она больше не воюет со стихиями — она их содержит. В аналитической психологии это называется интеграцией тени. Регина проходит этот путь не через кабинет — через жизнь.

Тьма моя — температура. Я грею ангелов во тьме.

Тьма перестаёт быть врагом. Она становится местом, где можно дышать. Где можно греть. Это не означает, что боль исчезла — она просто перестала быть центром.

Роман подводит к этому не рассуждением, а образом: то, что когда-то было расколото и разбито, перестаёт быть раной и находит свою форму. Но какой именно — читатель должен увидеть сам.

Выбор: свобода без гарантий

Регина выбирает себя. В ней нет уверенности, но она перестаёт быть должной. Как автор, я не задумывала хэппи-энд. Это тишина после войны. И в этой тишине возможно всё — и счастье, и очередной бунт. Главное здесь — как она будет с этим жить.

На рассвете с собой примирюсь.

Растворюсь я в единстве с воздухом.

Она не знает, сможет ли жить без правил. Но к этому моменту она знает, что больше не хочет быть чьей-то деталью. Это самый важный момент романа: она становится ничьей дочерью. Свобода не гарантирует счастья. Только выбор. И не каждый готов за него платить.

В стихотворении «Моряк» она видит старого, уставшего мужчину с сигаретой. Он ищет маяк. У него есть надежда. Она отдаёт ему честь. Он не замечает её. И это — освобождение.

Смотрю на моряка, честь отдаю, а он плывёт вперёд, не замечая.

Она не ждёт, что её спасут. Она не требует, чтобы он её увидел. Она просто позволяет ему быть. Это взрослый жест: я вижу тебя, я не требую, чтобы ты видел меня.

Страх исчезновения: почему она пишет

В прозаическом фрагменте Регина говорит: «Я не хочу быть писателем — они все мертвы». Это не просто страх смерти. Это страх исчезнуть в своём голосе. Стать тем, кто говорит, но кого не слышат. Тем, кто есть, но кого не видят.

В стихотворении «Побег» дождь — это она. Семья не понимает этого. Они отгоняют мысль, что дождь — их дочь.

*Отгонят мысли прочь, что этот дождь — на землю
лёт ушедшая их дочь.*

Регина боится, что её правду не прочитают. Даже когда она льётся с неба. Но она пишет. Потому что молчание страшнее.

Финал: что остаётся с читателем

Регина не становится «нормальной». Она становится собой. Она больше не воюет с частями себя — она их содержит. Она больше не ждёт, что кто-то укажет путь — она идёт, даже не зная дороги.

Я — содержание мира и войны. Я — прелесть терпких вкусов виски. Но поцелуй моего «Я» напоминает вкус ириски.

Это не победа. Это перемирие. И в этой тишине она наконец слышит себя.

Читатель, узнавший себя в этой истории, может спросить: а я — всё ещё проблема? Или уже содержание?

Роман не отвечает. Он оставляет вопрос открытым. Именно в этом пространстве — между вопросом и ответом — и происходит всё настоящее.

«Выжить» — это то, что осталось за спиной. «Пережить» — то, что только начинается. И ради этого стоит перевернуть первую страницу.

От автора

Добро пожаловать домой!
Анастасия Прудова

Вот что хотел сказать автор. Но голос автора — не единственный. Книга принадлежит читателю, как кино принадлежит зрителю. Создатель произносит то, что хочет сказать, и так, как умеет это донести. А то, как его поймут и услышат, к автору не имеет никакого отношения.

Как-то давно, в своих зелёных летах, я записала такую мысль: люди придумали множество языков. Но ни на одном нельзя договориться и понять так, как хочет быть понятым человек и его таинственное содержание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.